

репродуктивного населения были только в Гомельском, Слуцком и Лунинецком районах; в остальных они более представительны. Но это не соответствует данным табл. 1, на которую ссылается автор. Менее чем 0,5%-ную значимость имеют также выборки из Молодечненского, Пуховичского, Гродненского и Пружанского районов.

Непонятен смысл термина «фенетико-антропологический тип» (с. 117). Антропологический тип и есть фенетический облик.

На с. 159 неудачно употребление термина «гармония» в применении к генетическим структурам: «...процесс упорядоченности генетических структур от их максимальной стохастичности к полной гармонии имеет свою хронологию» и т. д. Речь по сути идет о векторе гетерозиготности, выявляемом при компоновке материала соответственно трем геохимическим провинциям Белоруссии и отсутствию его при анализе материала на более мелких иерархических уровнях.

Высказанные замечания не носят принципиального характера и могут рассматриваться как пожелания к последующим исследованиям автора. В целом монография А. И. Микулича «Геногеография сельского населения Белоруссии» — книга, которая должна привлечь внимание антропологов, этнографов, демографов и лиц, занимающихся медицинской генетикой.

И. С. Гусева

© 1990 г.

T. Dragadze. Rural Families in Soviet Georgia (A Case Study in Ratcha Province). London; New York, 1988. 226 P.

Рача, расположенная на северо-западе Грузии, является одной из древних историко-этнографических областей. Она заселена рачинцами, этнографической группой грузин.

После установления советской власти в сельском быте и культуре Рачи многое изменилось. Именно исследованию этой проблемы посвятила свою монографию «Сельская семья в советской Грузии» Тамара Драгадзе, которой за нее в Оксфорде присвоена степень доктора философии.

Данная книга — результат многолетнего исследования. Она издана за рубежом и в этом аспекте заслуживает особого внимания, поскольку рассчитана на широкий круг читателей, тем более что современная социальная антропология не богата такого типа кавказоведческими англоязычными работами. Автор — англичанка грузинского происхождения, достаточно хорошо знакомая с народами СССР, в том числе и Кавказа. Зная родной грузинский язык и к тому же хорошо владея русским языком, она много раз приезжала в СССР и имела возможность ближе ознакомиться с жизнью, в первую очередь изучаемой ею республики, в контексте политической и общественной жизни СССР в целом.

Рецензируемая книга Т. Драгадзе состоит из шести глав и заключения. К ней прилагается соответствующий научный аппарат: фотоиллюстрации, планы поселений, зарисовки, генеалогические схемы, таблицы, библиография и терминологический указатель. Основую источниковедческую базу монографии составляют полевые этнографические материалы, выявленные и собранные автором в Раче во время экспедиций.

В монографии рассмотрен ряд традиционных для этнографической науки проблем. В условиях советского строя характеризуется грузинское село, социально-экономические основы и формы семьи, роль традиционных комплексов семейной жизни в системе общественных взаимоотношений, родство и институт брака, особенности фамилий и нормы обычного поведения членов социальной организации. Рачинское село изучено в связи с историческим прошлым данного региона. В частности, дается глубокий анализ некоторых исторических фактов, касающихся присоединения Грузии к России, рассмотрены предпосылки и причины объединения Рачи с Кутаисской губернией. Дана также характеристика природно-географических условий данного региона; определены место и роль феодальной Рачи в сфере политики и экономики Грузинского феодального царства. Установлены современные пути и тенденции развития рачинского села, механизм влияния чуждых элементов соционормативной культуры на быт и культуру местного населения. По наблюдениям Т. Драгадзе, несмотря на влияние советской экономики, политики, идеологии, региональная традиционная культура Рачи смогла сохранить присущие ей характерные историко-этнографические особенности. Как отмечает автор, социально-экономические и политические процессы, происходящие в СССР, непосредственно фиксируются в микроструктурах семейного типа. Семья представляет ту среду, где отражаются изменения, происходящие в государстве.

Т. Драгадзе, следуя традиции, характерной для британской социальной антропологии, берет в качестве объекта исследований конкретные села (Абари, Урави, Лихети) и на их примере показывает современное положение данного региона. Несомненным достоинством монографии является использование разных этнографических источников, в том числе и генерального плана изучаемого в труде с. Абари, где зафиксированы особенности расселения семей и в целом фамилий. Применяя специальную нумерацию, автор указывает наименование представленных на плане социальных организаций. Дается также соотношение числа дымов и фамилий; на план нанесены разные объекты бытового назначения, в том числе и хозяйственные постройки. Выделено три квартала: *Шуа убани*, *Чагма убани* и *Датукаант убани*. Квартал Датукаант убани характеризуется моногенностью, и, по наблюдениям Т. Драгадзе, в нем проживают потомки эпонима Лобджанидзе. Именно в подобных кварталах раньше существовало место для летнего традицион-

ного сборища (часто на гумне — *кало*), где, по словам автора, в современный период располагаются кузницы и колхозные объекты разного назначения. По вечерам в летние дни в окрестностях этого места устраивались народные гулянья-развлечения, игры и др. Здесь также собирались для беседы старики.

Рачинец рассматривает себя в рамках квартала, села, общины и бережно хранит дома вещи, утверждающие его принадлежность к Раче. Т. Драгадзе приводит множество примеров из семейного быта рачинцев, иллюстрирующих такой порядок, и подчеркивает, что представители исследуемой группы гордятся цивилизацией, которая связывала Грузию с известными во всем мире культурами Греции и Рима. Чувство национальной гордости обусловлено и древними корнями христианской культуры в Грузии. Характерные для рачинца грузинские национально-региональные и общезначеские компоненты наглядно отражаются в традиционных формах культуры, и поэтому автор особенное внимание уделяет культурным обычаям.

В монографии четко выделен основной комплекс форм поведения (нравственных и традиционных), которые определяли в Раче нормы взаимоотношений между членами общества. Подобные исторические стереотипы в основном функционировали в пределах структур родства. Отмечается тенденция расширения родства, несмотря на то что рачинец, как правило, стремится удержать определенный баланс в области родственных взаимоотношений для нормального регулирования взаимных обязанностей.

В свое время феодализм в Грузии в условиях культурно-политического сепаратизма играл существенную роль, но в пределах этноса он не всегда способствовал развитию этнодифференцирующих процессов и часто служил источником формирования общезначеской культуры, укреплявшейся на основе внутренних взаимоотношений. Подобные взаимоотношения осуществлялись и посредством действия механизма форм искусственного родства и других традиционных обычаев. Естественно, внутри этноса глубокая взаимосвязь между системами родства выполняла особую этническую функцию, и поэтому при изучении данного феномена выявлялись не только закономерности развития традиционных форм социальных взаимоотношений, но и этноспецифические черты общественного строя народа. Система родства вместе с другими формами традиционной культуры должна была также защищать от чуждых этнических влияний. Широкие функции родства обусловили особый интерес Т. Драгадзе к родственным взаимоотношениям и социальным обычаям.

Автор выделяет у рачинцев три формы родства: кровное, по свойству и «духовное». Здесь же дается этимологический анализ терминов родства: «натесави» (родственный), «мокваре» (свойственный). Выясняется, что слово «натесави» производится от основы «тес»: от него получены такие понятия, как «тесли» (семья, семена), «тесва» (сеять, сеяние). Термин «мокваре», по мнению автора, ведет свое начало от слова «моквана» (привести). Характерно, что понятием «мокваре» объединялись также такие семьи и родственники, которые не считались свойственными. Здесь значение термина «мокваре», видимо, расширяется. Наряду с отмеченными терминами Т. Драгадзе рассматривает и другую часть номенклатуры родства, в том числе и термин «ахлобели» (близкий), который, по ее наблюдениям, не всегда охватывает круг близких родственников.

Т. Драгадзе уделяет особое внимание родственным формам поселений и вопросам экзогамии. Как показывают представленные в труде полевые этнографические источники, родственные ветви, происходящие от предка-эпонима, которые объединяют семь поколений, в основном живут внутри одного квартала или же расселяются в пределах сельской территории. В пределах такой родственной группы браки запрещаются и в сфере брачных взаимоотношений, похорон, культовых ритуалов или праздников сохраняются традиционные черты прав и обязанностей. Замужняя женщина становится продолжательницей традиции агнатической группы мужа, и это выражается хотя бы в том, что жены гораздо лучше знают фамильную генеалогию мужей, чем собственную. Женщин на общем кладбище агнатов хоронят рядом с мужьями.

В рецензируемой монографии особенно подробно описаны обычаи, связанные с институтом примачества; раскрывается суть и содержание этого явления. Отмечено, что, как правило, село встречает зятя как вошедшего в дом сына. Правда, примачество непрестижно, но оно имеет определенную экономическую основу, что и определяет его значение. Автор показывает, что для укрепления отношений между селом и зятем в Раче используют обычаи крестин: часто крестным отцом выбирают зятя. Зять не становится владельцем имущества тестя после его смерти и не принимает фамилию жены, но внуки уже полные наследники деда. Здесь мы хотим отметить, что в некоторых регионах Грузии по этнографическим источникам установлен переход зятя на фамилию тестя и соответственно этому семья принимает его как сына и наследника. Именно сведения подобного характера дают нам основание рассматривать институт примачества как один из видов искусственного родства.

По данным Т. Драгадзе, в Раче в кровном родстве четко различают отцовскую и материнскую линии, где предпочтение отдается группе агнатов, но не меньшей близостью отличаются и взаимоотношения с родственниками матери. Отмеченная связь выражается во взаимных обязанностях. Брак с родственником матери строго запрещается. Исследовательница перечисляет основные сферы запретов, которые, по ее мнению, были установлены грузинскими церковными нормами. Обычно благодаря тому, что в Раче невест часто выбирают из другого селения, отцовские и материнские линии родства охватывают достаточно широкий территориальный круг. Этот фактор родственной близости способствует добрососедству, укрепляет традиции гостеприимства, взаимопомощи и фактически упорядочивает связанные родственными узами семьи и социальные структуры.

В монографии тщательно изучен и институт брака, в частности предпосылки брака, особенности экономического соглашения, правила сватовства и развода. По наблюдениям Т. Драгадзе, в советский период возраст вступления в брак более или менее зависит от внешних факторов.

По наблюдениям автора, когда молодой человек пройдет обязательную военную службу и возвратится в отцовский дом, семья сразу же начинает искать подходящую невесту. Близкие родственники выбирают молодую девушку, и родители просят ее руки. В таких ситуациях родители девушки всегда проявляют большую бдительность, серьезность и сразу никогда не дают согласия на брак. При сближении брачной пары учитываются взаимопонимание молодых и любовь между ними. После сговора назначается помолвка. В знак помолвки жених оставляет невесте золотое кольцо. В монографии рассматриваются также причины похищения или же бегства девушки из родительского дома.

Детально описывается в монографии церемониал свадьбы. Анализируя разводы, автор приходит к выводу, что их основная причина — бездетность. Остаться без наследника в Раче, как и в других регионах Грузии, считается большим несчастьем. В семье должна продолжаться отцовская линия, протекать процесс воспроизводства и социализации личности. Автор справедливо указывает, что без учета особенностей семейной структуры невозможно понять ни природу родства, ни сущность и природу брака, ни причины и характер развода. Поэтому совершенно закономерно эти вопросы рассматриваются в тесной связи. Т. Драгадзе выявляет такие термины для обозначения семьи и жилища в Грузии, как «комли», «сахли», «оджахи»; охарактеризованы условия их возникновения и путь развития; дан семантический и этимологический анализ термина «оджахи».

Особенно интересен тот раздел монографии, где рассматриваются формы «духовного», т. е. искусственного, родства. На основе богатого этнографического материала описаны обычаи молочно-породнения, побратимства, посестримства, крещения и отмечено, что между искусственно породнившимися семьями существует четко выраженная система прав и обязанностей.

В разных регионах Грузии, в том числе и в Раче, соционормативная культура на разных ступенях ее развития всегда составляла единую систему политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических категорий, при помощи которых упорядочивались нормы поведения членов общества. В Грузии на национальной почве соционормативная культура создавала традиционные социально-психологические условия и особенно на сложных этапах этнического развития вместе с другими основными элементами культуры противостояла разным социально-политическим системам и этическим нормам, неприемлемым для грузинского этноса. Этот феномен для современного периода подтверждается всем конкретным этнографическим материалом, приведенным в монографии Т. Драгадзе.

Как видим, рецензируемая монография, несмотря на узкое название работы, охватывает достаточно широкий круг традиционной культуры и других историко-этнографических проблем. Глубоко проанализировав как некоторые вопросы истории Рачи в связи с общей историей Грузии, так и широкий круг современных семейных традиций, Т. Драгадзе показала, что они несут и региональные, и общегрузинские этнические черты. Однако нам кажется, что в данном исследовании могли бы быть более широко привлечены параллельные этнографические материалы, непосредственно связанные с жизнью семьи в других регионах Грузии и у народов Кавказа в целом. Это углубило бы исследование основных проблем. Данное замечание ничуть не умаляет достоинства монографии, которая внесла весомый вклад как в зарубежную этнологическую, так и отечественную кавказоведческую литературу.

Н. В. Мгеладзе

© 1990 г.

Н. В. Кочешков. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР. Л., 1989. 198 с., 106 илл. + 13 цв.

Не часто случается в истории науки, и вообще в истории публикаций, как научных, так и не научных, чтобы выход в свет книги пришелся так кстати и был бы столь своевременным. На I съезде Народных Депутатов СССР и в особенности на Съезде малочисленных народов Севера, состоявшемся 30—31 марта 1990 г. обращалось особое внимание на необходимость изучения и сохранения национальных языков и самобытной культуры малочисленных народов Крайнего Севера, живущих в экстремальных условиях. И новая книга Н. В. Кочешкова явилась как бы незамедлительным ответом на эту, поставленную съездом задачу. В рецензируемой работе утверждается непреходящая ценность художественно оформленных предметов материальной культуры, создававшихся на протяжении столетий и создаваемых и сегодня талантливыми представителями народов Арктики; прослеживается непрерывность и закономерная эволюция художественной традиции. Примечательно, что исследование Н. В. Кочешкова, как это явствует из заглавия книги, посвящено собственно декоративному искусству, а не материальной культуре в целом, как обычно бывает в трудах этнографов. Здесь следует отметить, что нельзя согласиться с автором в том, что, мол, «по истории декоративного искусства народов Сибири, в том числе и народов Крайнего Северо-Востока, имеется обширная искусствоведческая... литература» (Введение, стр. 3). Напротив, по нашему мнению, такая литература пока невелика, и труды по декоративно-прикладному искусству народностей крайнего северо-востока стали появляться лишь во второй половине XX в. с расширением границ эстетических представлений. И далеко не всякое, объективно очень ценное, описание художественно-оформленных предметов народного быта может быть отнесено к искусствоведческим работам.

Н. В. Кочешков посвятил свой труд шести арктическим народам Дальнего Востока. Это